

Источник: Пономарева Т. А. Алексей Ганин: жизнь, судьба, творчество / Т. А. Пономарева // Северо-Запад : историко-культурный региональный вестник / Череповецкий государственный университет, Гуманитарный институт [и др.] . – Череповец, 1998. – Вып. 2. – С. 65-76.

Т. А. Пономарева

АЛЕКСЕЙ ГАНИН: ЖИЗНЬ, СУДЬБА, ТВОРЧЕСТВО

В русской литературе, начиная с последней трети XIX века, проявляется устойчивый интерес к деревне. Постепенно изображение социальных контрастов, темноты и невежества деревенской жизни превращается в XX столетии в проблему исторической судьбы России, национального характера («Деревня» И. Бунина, «окуровские» повести М. Горького). В творчестве С. Есенина и поэтов его круга, получивших наименование «новокрестьянских», с деревней связывается вековая мечта об идеальном мироустройстве, воплощением которого были Китеж-град, Беловодье, исчез-

нувшие или еще не обретенные русским народом заповедные места, где царит гармония в отношениях друг с другом, с природой, где материальное изобилие сочетается с духовным совершенством и где каждый счастлив. Во многом такие надежды на «новый Назарет» объясняются тем, что «крестьянская» цивилизация – самая древняя, самая долговечная, а самое главное – самая поэтическая из всех когда-либо существовавших»¹. Влияние этого комплекса философских, нравственных, социальных представлений усиливается в эпоху революций 1905–1917-х годов, когда на короткий миг мечта о царстве гармонии и справедливости соединилась с конкретными идеями социального переустройства России и всего человечества. Эту крестьянскую утопию в литературе отразили писатели – выходцы из деревни, раскрывающие народное сознание изнутри. В их творчестве объект и субъект изображения сливаются воедино, голос автора становится голосом «золотой бревенчатой избы», а сама изба – крестьянским космосом.

Одним из «новокрестьян» был наш земляк, поэт и человек трагической судьбы – Алексей Алексеевич Ганин.

Ставший первой жертвой в тяжбе крестьянской России с «железным» и «нарочитым» социализмом (С. Есенин) и вторым после Н. Гумилева в мартирологе русских писателей XX столетия, А. Ганин был расстрелян во внутреннем дворе Бутырской тюрьмы 30-го марта 1925 года «за создание организации по борьбе с Соввластью». Арестован он был по личному указанию Ягоды, обвинение было предъявлено не сразу. Занимался Ганиным крупный чекист, известный своими приятельскими отношениями со многими литераторами, Яков Агранов, имеющий непосредственное отношение и к убийству Н. Гумилева, и к самоубийству Маяковского, и к аресту И. Бабеля и еще многих других. Главным аргументом обвинения стала найденная уже во время обыска машинописная статья, в которой поэт дает резкую характеристику правящей партии как «секты изуверов – человеконенавистников». Когда родные пытались узнать о судьбе брата, вологодский прокурор Кудрявцев П. В. сказал младшей сестре Марии, что Ганин якобы написал поэму, порочащую Троцкого. Судил Ганина военный трибунал.

После гибели он был выброшен и из литературы, имя его оказалось забыто, архивов, писем, художественных текстов не существует. В 1937 году пожар в доме сестры Шуры уничтожил

книги и рукописи Ганина. Его могила неизвестна; исчезла с лица земли, как и сотни других русских деревень, родная деревня Коншино. Эти страшные знаки трагизма русской судьбы в XX веке проявились даже в том, что, граждански реабилитированный военным трибуналом МВО 12 октября 1966 года, Алексей Ганин так и не вернулся по-настоящему в литературу, несмотря на то, что в 70–80-е годы воспоминания о нем и несколько стихотворений были напечатаны в журнале «Север» и в вологодской областной газете «Красный Север». Мы должны низко поклониться ленинградскому журналисту Николаю Панферову, который, работая в архивах, столкнулся с именем поэта, съездил на его родину и заново познакомил земляков с этим художником. Затем в средней школе села Архангельского, которое расположено рядом с Коншиным, при народном музее, созданном учителем истории Анатолием Аркадьевичем Еремеевым, был открыт отдел, посвященный А. Ганину.

Имя его стало упоминаться в работах о С. Есенине и путях развития новокрестьянской литературы (см., например, труды В. Г. Базанова, А. И. Михайлова). Вологодский поэт Александр Романов, который в собственном творчестве продолжает традиции почвенного направления в поэзии, в 1990-м году напечатал в «Литературной России» статью, посвященную последней и самой значительной поэме Ганина «Былинное поле». В 1989 году в сборнике «Последний Лель. Проза поэтов есенинского круга» был опубликован незаконченный роман «Завтра», и наконец в 1991 году в Северо-Западном книжном издательстве с предисловием С. Ю. и С. С. Куняевых, отдавших немало лет архивным разысканиям, связанным с судьбой «новокрестьян», вышла маленькая книжечка избранного А. Ганина, куда были включены стихотворения, поэмы и роман. Через два года в связи со столетием со дня рождения поэта появился ряд материалов в газете «Русский Север».

И тем не менее имя Алексея Ганина еще не вошло ни в читательское сознание, ни в народную память. Очевидно, предпринятых усилий явно недостаточно. Один сборник, вышедший в региональном издательстве, не делает погоды. Несмотря на огромный интерес к биографии С. Есенина, немногие (кроме специалистов, разумеется) знают, что Ганин дружил с Есениным, что последний приезжал на родину поэта, что тот был не только

поручителем со стороны невесты на венчании Есенина в вологодской церкви Кирика и Улиты с Зинаидой Райх, но и его несчастливым соперником в любви.

Скудные сведения о его жизни противоречивы, воспоминания сестер были записаны в конце 70-х – 80-е годы, когда обе были уже в преклонном возрасте, и почти не подкреплены документами. Даже дата рождения требует уточнения. По воспоминаниям младшей сестры Марии Кондаковой (запись в марте 1979 года), Алексей Алексеевич родился 11 августа 1893 года (по новому стилю), т.е. 31 июля по старому стилю. Отец и сын Куняевы, вологодский журналист Г. Сазонов считают днем рождения 28 июля. Он был вторым ребенком в многодетной крестьянской семье: «Всего-то нас было пять сестер и два брата», – рассказывает М. А. Кондакова².

Деревня Коншино Архангельской волости Кадниковского уезда Вологодской губернии была маленькой (18 дворов, 29 десятин, 96 душ, по данным сестры). Мария Алексеевна приводит поэтическое, возможно, и слегка идеализированное ностальгией по родине и юности, описание деревни: «Наша деревня находилась в стороне от проезжих дорог... В деревне всегда было чисто, сухо, закоулки покрыты мягкой зеленой травкой, точно бархатным узором. Почти каждую субботу девочки мели улицу около своих домов... Коншино стояло на холме, возвышаясь над всеми окружающими селеньями, его видно было издалека... Богатых мужиков в нашей деревне не было и нищих не было. Через улицу прямо у каждого дома располагались небольшие садики с черемухой, яблонями, рябиной, смородиной, крыжовником, а за дворами – огороды с овощами... Народ в деревне в большинстве был спокойный, дружный, очень редко ссорились... а драк вообще никогда не было. Мужчин нашей деревни никогда не видели пьяными – ни парней, ни женатых не только в обычное время, но и в праздники. По своему характеру они были тихие, и большинство из них не курили... Молодежь у нас в деревне была довольно культурная – парни стройные, высокие, аккуратно одетые, девушки одевались небогато, но изящно, со вкусом, многие сами шили одежду»³. Кто знает, не от этого ли реально существовавшего деревенского лада идет крестьянская утопия А. Ганина?

Когда он уходил в армию, собственноручно сделал и прибил

на столб при въезде доску с названием деревни. Может, просто желая оставить о себе память, а может, предчувствуя и свое будущее и судьбу деревни, хотел материализовать память о ней?!

Родители поэта – Алексей Степанович и Евлампия Семеновна – до революции считались бедняками, но после того, как землю поделили по едокам, хозяйство перешло в разряд середняцких, хотя лошади не было и хлеба не хватало и до половины зимы. Семья была по-крестьянски талантливой. Отец, «малограмотный, но толковый мужик», не только сеял хлеб, но и мог выделывать кожи, знал немало народных ремесел, был печником, «художественно работал. Художником хотел быть». Свое мастерство он передал и второму сыну, будущему поэту. Талантливость, тяга к знаниям отличают всех Ганиных. Брат Федор по совету Алексея поступил в Тотемскую учительскую семинарию, потом в Вологодский пединститут на отделение литературы, стал журналистом, работал в «Красном Севере», сочинял и пел частушки и прекрасно играл на подаренной Есениным гармошке. Судьба его также сложилась трагически. Он не пережил репрессий 37-го года и «умер в местах заключения». Сестры и мать профессионально плели на коклюшках кружева, все в семье умели и любили петь. Дедушка Дуганов был знатоком фольклора, ему, а также бабушке по материнской линии Феоклите Дмитриевне А. Ганин был обязан знанием сказок, былин, бывальщин.

Учиться будущий поэт начал с восьми лет. Мочаловское земское училище он закончил с наградой. Затем было двухклассное Усть-Кубенское училище, а потом вологодская гимназия. Осенью 1911 года Ганин поступает в фельдшерско-акушерскую школу. Ее окончание совпало с началом первой мировой войны. До осенней мобилизации лето прожил в Коншино, замещая фельдшера. Служить начал в Николаевском военном госпитале в должности младшего фельдшера, в 1915 году его перевели в авиационный полк, а в конце 1916-го мобилизовали по болезни. Именно во время работы в госпитале летом 1916 года в Царском Селе он и познакомился с Сергеем Есениным, служившим тогда санитаром. Знакомство перешло в дружбу. Особенно сблизились они в 17–18 годах. (Второй период тесных отношений – конец 1923-го и весь последующий год, после возвращения Есенина из Америки, когда он поселил приятеля у себя в комнате.)

Медицинские знания А. Ганину пришлось применить и после

революции. В 1918 году он уйдет добровольцем в Красную Армию, будет работать в госпиталях Северного флота и в военно-санитарном управлении Котласского района. Как вспоминает сестра Мария, в 1919 году Алексей учился в Вологодском пединституте на литературном отделении, как и Федор. Осенью 1923 года он уезжает в Москву «сдавать стихи в печать, хотел поступать в Московский университет, стать профессором русского языка»⁴.

Тяга к творчеству выявилась рано. Из воспоминаний сестры известен факт, когда юного поэта чуть не исключили за чтение стихотворения на похоронах мальчика, заболевшего и умершего после того, как его избил священник. Ранние стихи не сохранились, а первые произведения он напечатал, когда учился в медицинском училище. Во время службы в петроградском госпитале Ганин стал печататься в петроградских журналах. К этому же времени относится знакомство не только с Сергеем Есениным, но и с Николаем Клюевым, Пименом Карповым. К концу своей недолгой жизни Ганин был уже достаточно известен в Петрограде, Москве, не говоря уже о Севере. В 20-е годы он успел издать около десяти малотиражных сборников, в основном в Вологде и чаще всего полукустарным способом. В 1920 году в Вологодском государственном издательстве вышла его поэма «Звездный корабль», а в последний год его жизни итоговый сборник «Былинное поле» был опубликован в Москве. Арестованный, на допросе он скажет о своих творческих замыслах: «Я приехал сюда, в Москву, как в центр научной и литературной работы. Так как начаты мною работы – ряд художественно-драматических хроник, «Освобождение рабов», «Иосиф» и несколько других из истории эллинского Рима и России. Кроме того, мною начат большой роман, который бы охватывал жизнь России в целом за последние двадцать лет...»⁵. Статья «Мир и свободный труд – народам», ставшая причиной смертного приговора (в протоколе допроса она названа «тезисами») была, по признанию Ганина, подготовлена для его романа и явилась «великим документом русского народного сопротивления» (С. Ю. Куняев, С. С. Куняев), протестом против гибели «ясного духа народа» и всей «коренной России» (А. Ганин).

Поэтов «крестьянской купницы» объединяло земледельческое мироощущение. В предисловии к «Былинному полю» (М., 1924) Ганин назовет себя «романтиком начала XX века».

А. И. Михайлов считает, что Ганин так и не успел сказать заметного слова в «новокрестьянской» поэзии, что его стихи значительно подернуты «эпигонским туманом символистской отрешенности», однако автор обстоятельного труда о поэтической концепции крестьянских поэтов и эволюции их творчества отмечает, что в стихотворениях А. Ганина проступают «волнующие своей знакомостью черты и контуры исконной крестьянской Руси»⁶, и выделяет поэму «Памяти деда» (1918), а также «Звездный корабль», сопоставимый с «маленькими поэмами» С. Есенина 1917–1918 годов изображением революции как космического явления и астральной символикой Апокалипсиса. Вершиной его творчества большинство исследователей называют поэму «Былинное поле», наиболее глубоко проанализированную А. Романовым. Мифологический сюжет, образы, пришедшие из русских былин и сказок, мифопоэтика служат для изображения в символической форме современной судьбы России, ее борьбы с «черной нежитью», «нечистью хапучей», распада «великой рати, черносошной силы» и гибели правнука Микулы». Надежда на «великую сварбу» (свадьбу), на преобразование «сонной Руси», на союз Лады-Красоты и пахаря на сбылась. В этом произведении, как и в других, отразилось разочарование Ганина в русской революции и одновременно непобедимая вера поэта в то, что «светлая Лада через тысячу лет да объявится». Не зря же главным сюжетным мотивом становится, по верному замечанию А. Романова, движение Микулова правнука как символ движения к будущей гармонии земли и неба, труда и красоты⁷.

В творческой эволюции «новокрестьян» есть определенная общность: нарастание эпических тенденций, прямое обращение к эпосу (лиро-эпическим жанрам, к прозе), стремление воссоздать, пусть в мифологизированной форме, широкую историческую перспективу, подкрепить субъективно-лирическое, индивидуальное отношение к событиям современности эпическим изображением судьбы России в ее историческом движении, народного сознания, интерес к фабульному сюжету, к эпическому времени, включение объективированных персонажей и реальных картин крестьянской жизни. Эта тенденция обнаружилась еще до революции 1917 года (роман «Яр» С. Есенина, роман «Пламень» П. Карпова). В первые послереволюционные годы ведущим жанром Есенина становится поэма, к публицистике обращается Н. Клюев.

Этот же путь пройдет и Алексей Ганин. Наряду с лирическими стихотворениями в его творческом наследии есть восемь поэм. Большинство из них написано в 1917–1919 годах: «Звездный корабль» – 1916–1917 гг., «Священный клич», «Сарай», «Честь, богатство и слава, и власть» – 1917 год, «Облачные кони», «Памяти деда» – 1918 год, «Разуму» – 1919. Над главной своей поэмой «Былинное поле» он начал работать в 1917-м году и закончил в 1923-м. Отсутствует датировка поэмы «Мешок алмазов», но вышла она в 1921 году. В 20-е годы Ганин, как и С. Клычков, обратится к прозе, но, к сожалению, его грандиозным эпическим замыслом, о которых он говорит на допросе, не суждено было сбыться. Остался незаконченным и его роман «Завтра». Анализ художественного мира поэта, его эволюция может быть результатом совместного труда многих исследователей. На наш взгляд, большой интерес представляет ганинский роман, ибо он выражает это тяготение «новокрестьян» к созданию поэтического эпоса русской жизни. Другие прозаические тексты писателя не найдены.

Роман «Завтра» сохранился лишь в опубликованных отрывках. В предисловии к его публикации в сборнике «Последний Лель». Проза поэтов есенинского круга» (1989) Ст. Куняев пишет, что это произведение интересно не своими художественными достоинствами, а подробностями быта глухого угла Вологодчины. Кстати, это как раз свидетельствует, как в творчестве Есенина, о стремлении уйти от мифологических абстракций первых послереволюционных лет при сохранении мифологических, не «стертых» образов, связанных единством философско-эстетической концепции русской жизни. Однако главным в тексте является все же не художественный этнографизм. Незаконченный роман, посвященный «описанию жизни деревни Загнетино, прошлой, настоящей и будущей», есть вариант крестьянской утопии и одновременно ее опровержение. Уже в самом начале повествования появляется мифологема Востока и Запада. Широкая просека на востоке заканчивается маковкой церкви Дионисия, а на западе – болотом пустынным, за которым и лежит дорога к дому. Традиционная оппозиция «запад – восток», где восток – символ святости, а запад – дьявольского искушения, разрушена. Родная деревня находится на западе, что говорит об изначальной дисгармонии жизни загнетинцев.

Разрушено и представление о патриархальной крестьянской идиллии, которому отдали дань все «новокрестьяне», в том числе и сам Ганин. Мы видим в романе скудную северную природу, бедные сенокосы, болота, трудную крестьянскую жизнь. Не зря загнетинцы «привыкли считать хорошим не то, что действительно хорошо, а если что-нибудь, скажем, ноне лучше прошлогоднего... Это еще от дедов»⁸.

Время в романе локализовано, действие происходит после революции и гражданской войны, «великой передряги». Даны конкретные временные ориентиры: «Ноне первый после многих черных и бурных годов... Вернулись к бабам мужья». Временная конкретизация проявляется и в разговорах мужиков о германском плене, о немецких сельскохозяйственных машинах, дренаже, продразверстке. Целый ряд прозаических деталей раскрывает реальную жизнь русского северного мужика. В романе приводятся также конкретные, не мифологизированные имена персонажей, сниженные клички: Мишка Клюка, Чепа, Прохор, Агафийка. Символическое имя Иван также снижается до единично-конкретного – дядя Иван. При этом намечены и характеры отдельных мужиков, приземленно-прагматичного, жадноватого Чепу никак не спутаешь с Мишкой, свободным и смелым в суждениях, или мечтателем Прохором. Конкретизация по личностным качествам дополняется социальной: бывший батрак, вчерашний фронтовик Клюка, Чепа, у которого когда-то было много земли, доставшейся от деда-старосты и который «торговал всякой всячиной». Подробности прошлой жизни героев – Чепы, дяди Ивана и Прохора также «работают» на бытовую и социальную конкретизацию изображения.

Главным в романе являются не сами события в их объективности (фабульный сюжет сведен к рассказу о сенокосе и дороге домой), а проблемы нового гармонического мироустройства, основанного на улучшении, исправлении несовершенства крестьянской природной жизни, помощи самой природе. В романе выявляются зачатки концепции «второй природы», т.е. улучшенной, преобразованной разумом человека, которая раскроется в полной мере в творчестве К. Паустовского, М. Пришвина 30-х годов. Не пафос покорения природы, характерный для «производственной» прозы, а идея помощи природе, там где она сама не в силах справиться с собственным несовершенством: миазмами болота,

суховеями, бесплодными пустынями. При этом усовершенствованное бытие Руси, Загнетина для Ганина по-прежнему остается природным бытием. Но в эту жизнь должна быть привнесена гармония. Появляется социально-конкретный аспект анализа.

Мифологические представления об устройстве вселенной, сохранившиеся в разговорах баб о чудесах, рае, бесовских проделках, заменяются реальными размышлениями, «как бы жизнь на земле устроить». Настоящее кажется «невзаправдашним», истинным. В жизни загнетинцев есть что-то пошехонское. Ключевой образ романа – болото, символ изуродованной, неподлинной жизни. Он имеет конкретно-бытовое, символическое и мифологическое значение. Символика болота связана с проблемой русского национального характера. Беда загнетинцев в том, что у них – «болото в башке». Причина несовершенства жизни объясняется их покорностью, пассивностью, нежеланием большинства менять свои отношения с миром, в том числе и с природным.

Для поэтики романа не характерны авторские описания, размышления. Ганин сталкивает разные типы сознания через диалоги, реплики. Речь героев становится главным приемом раскрытия образа. Когда молодые мужики говорят о травосеянии, о густых высоких травах, кто-то в ответ серьезно «резонничает»: «Ну, этакая нам ни к чему». Или Чепа вспоминает о налогах: «А коси, вот к примеру, коси, а масло, скажем, от коровы снеси. Вот притча... А себе и губы помазать нечем». В ответ раздается «добродушная» реплика Ивана: «Ничего, Михей Митрич, нам бабы опять напахтают, а ты и без масла хорош»⁹. Однако роман поражает верой автора в будущее, в желаемое «завтра», которое противостоит вечной неизменчивой природной жизни загнетинцев. Это не завтрашний день социализма, на который уповали персонажи А. Неверова, «Донских рассказов» М. Шолохова, хотя герои Ганина связывают свои надежды с социальными преобразованиями: «Вышла воля и все изменилось», у кулаков отобрали «излишнюю» землю. Но для деревни это лишь внешние перемены, они не приводят к улучшению крестьянской жизни: «Нахватили вот и земли, а толку нет... И земля родить перестала. Земля, она тоже хозяйственную руку знает, а теперь – разве хозяйева?»¹⁰. Подлинное «всему обновление – это преображение жизни «трудом и разумом». «Глупой работе», ничего не меняющей в положении крестьянина, Ганин противопоставляет разумный че-

ловечий труд, когда «ум в руки». Первое условие этого – совместные, коллективные усилия всех загнетинцев.

Композиция романа, начиная с названий глав и фабульного действия, обусловлена темой преодоления болота. Первая глава – «Через болото», последняя – «Конец болоту и новый зарок». Но финал романа далеко не оптимистичен. Власть болота сильна. На фабульном уровне это раскрывается в скептических репликах мужиков: «Ермания тебе не Загнетино», «нужда всех, как меленку, треплет». Тут не до улучшения жизни. Ганин показывает разных мужиков: тех, кто жалуется на нужду и ничего не хочет или страшится менять, и тех, кто готов сломать эту убогую жизнь. С одной стороны, это два извечных типа в русском национальном характере. С другой – нежелание и страх перемен объясняются в романе тем, что загнетинцы видят: опыт социальных трансформаций, результаты индустриализации крестьянской России оказываются пока плачевными: «И заводы, знаем, ходят... а пуп голый. Вот тебе и дешевые ситцы». На символическом уровне тема власти болота раскрывается через образы, имеющие мифологическую основу – тучи грозной, которая может унести все Загнетино, «и следа не сыщешь». Девятая глава романа (из двенадцати напечатанных) «Об оглохшей минуте» начинается с авторского описания нелепой и страшной загнетинской скуки, когда станет человеку темно, скучно и жутко, той самой русской тоски, причиной которой является застойность русской жизни. И сразу же конкретно-бытовой мотив скуки переходит в символический: «Эта минута бессознательных, глухонемых прорастаний, слепых и беспутных прозрений в глухонемые века, полные бреда и всяческой скверны и ужасов, в века, прошедшие над Загнетиным и везде»¹¹. Для всего текста в целом характерно это превращение конкретно-бытового изображения в символическое и мифологическое.

Роман завершается рассказом о столкновении чугулки, задавившей кобылу (традиционный символический образ новокрестьянской поэзии раскрывается здесь на уровне бытового происшествия, о котором рассказывает один из персонажей) и описанием подгорающих облаков в огненно-красном пожаре, плывущих с востока на запад. Символика противостоит внешнему сюжетному движению. Незаконченный и маленький по объему роман А. Ганина «Завтра» является многослойным, сложным как по осмыслению сути национального бытия, националь-

ного характера, так и по особенностям поэтики.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Куницын Г. И.* Общечеловеческое в литературе. – М., 1980. – С. 372.
- ² *Куняев С. Ю., Куняев С. С.* Жизнь и смерть поэта // Ганин А. А. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991. – С. 10.
- ³ *Кондакова А. А. (Ганина).* В деревне Коншино // Русский Север. – 1993. – 19 августа. – С. 3.
- ⁴ Там же.
- ⁵ *Куняев С. Ю., Куняев С. С.* Сергей Есенин. – 2-е изд. – М. – С. 353.
- ⁶ *Михайлов А. И.* Пути развития новокрестьянской поэзии. – Л., 1990. – С. 152.
- ⁷ *Романов А.* «В минуте грозы – на столетье беды»... Поэт Алексей Ганин и его лучшее творение // Лит. Россия. – 1990. – 18 мая. – С. 16.
- ⁸ Последний Лель. Проза поэтов есенинского круга. – М., 1989. – С. 483.
- ⁹ *Ганин А. А.* Стихотворения. Поэмы. Роман. – Архангельск, 1991. – С. 186.
- ¹⁰ Ук. соч. – С. 188.
- ¹¹ Там же. – С. 202.